

ДИСКУРСИВНАЯ РЕЛЯТИВНОСТЬ

В статье рассматривается дискурсивная релятивность как механизм объективации смысла, в основании порождения которого лежат отношения между когнитивными структурами.

Ключевые слова: дискурс, текст-дискурс, дискурсивная релятивность, сфера кодового значения.

В данной статье в качестве основного исследовательского подхода к анализу выбран номотетический подход. В учении Канта это способ деятельности разума в установлении законов и правил познания. Обоснованием выбора могут являться следующие положения: названный подход предполагает исследование сущности, анализ и применение категорий общего, установление общего, имеющего форму закона, выражение общей закономерности, объединяющей данный объект с множеством других, знание которых делает возможным познавать суть явлений.

З.Д. Попова рассматривает текст-дискурс, отличающийся от текста – синтаксического единства тем, что он имеет **значимость** благодаря отношениям к другим текстам своего дискурса. «Наличие этих отношений позволяет находить в тексте-дискурсе признаки времени и места его создания, признаки, несущие информацию о культуре и других сторонах жизни народа – носителя языка, а также о некоторых чертах его автора. У текста-дискурса также нет значения (сигнификата), и потому он не является знаком в лингвосомиотическом понимании, но благодаря наличию значимости он содержит в себе более разнообразную знаковую информацию, в нем больше знаковых сигналов и симптомов» [Попова 2006: 294].

Конституирование текста-дискурса основывается на когнитивных моделях как базовых структурах репрезентации знаний, касающихся различных областей, **сфер кодового значения** текста-дискурса, а именно **сфер экзистенциального, антропологического, социального, психологического, религиозного, этнокультурного**. Типу когнитивной деятельности и уровням категориальной организации языка соответствует языковая конфигурация (см. работы Е.С. Кубряковой (2009), Н.Н. Болдырева (2009), О.В. Магировской (2012) и др.). Формат (или конфигурация) знания может рассматриваться как процесс придания той или иной формы концептуальному содержанию [Беседина 2006: 53]

и в итоге – как система языковых категорий и средств, которые представляют знания об окружающей действительности.

Каждая из сфер имеет своего рода «генетический код» [Макаров 2003: 140], **сущностный элемент**, предопределяющий не только планирование, продуцирование, порождение смысла, но и его восприятие и понимание. М.С. Уваров высказывает предположение, что «в самом языке наличествует нечто, не поддающееся рефлексивному самоотчету, нечто такое, что, подобно сингулярной точке, собирает энергию всех других интенций и в то же время уходит в глубины реальности, трансцендентной по отношению к языку» [цит. по: Алефиренко 2012: 116].

К выявлению **типов отношений** между обобщающим сущностным элементом сферы и концептуальными единицами мы подходим как к выявлению зависимостей, которые обусловлены стратегиями, правилами и нормами «речи-во-взаимодействии» (см.: [Zimmerman, Boden 1991: 8–9], поскольку единое целое строится и как иерархия единиц, отношений между ними, и как взаимодействие формы и функции. **Сфера** рассматривается в качестве совокупности всех возможностей в ограниченном мире. Так, **сфера религиозного** включает особый тип отношения человека к миру и своему Я с точки зрения таких ценностей, как Бог, вера, спасение, благодать, т.е. в ее основе находятся представления об ином мире, а также связанная с ними система принципов, установок, действий и всего образа жизни.

Рассмотрим ситуацию: *И хороня детей, умиравших от истощения, и оплакивая их кровавыми слезами, темнея от горя, усталости и голода – женщины в эти тяжелые дни были кротки и дружественны, как никогда: они верили, что не может даром пройти такой ужас, что за великими страданиями идет великая награда* (Л. Андреев. Губернатор). Сущностный элемент сферы религиозного «вера» и единица концепта **СОБЫТИЙНОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО «внутренний мир человека»** связаны **отношением протенции**, о котором говорят в своем феноменологическом учении Гуссерль и Мерло-Понти и которое подразумевает отношение проецирования приобретенного знания на будущее (предчувствие, проецирование будущего. Сознание приближения, ожидания наполняет настоящее содержанием, а именно верой в великую награду за великие страдания (ср.: «Если терпим, то с Ним и царствовать будем»), а также: «...если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8: 17)).

Итак, **поддискурсивной релятивностью** следует понимать обнаруживаемую **корреляцию** между: 1) экзистенциально, антропологически,

психологически, социально, религиозно, этнокультурно обусловленными содержательными конструктами текста-дискурса и 2) выделяемыми этноязыковым сознанием единицами концептов, которые имеют глобальный сверхличностный этнокультурный характер, вокруг которых сконцентрирован дискурс. Иными словами, такую корреляцию, которая выступает еще одним механизмом непрерывного смыслопорождения, аккумуляции смысловой энергии всего коммуникативного целого.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Лингвоантропология дискурса // Антропология языка. Вып. 2. М.: Флинта, 2012. С. 108–117.

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.

Попова З.Д. Текст и дискурс в знаковой ситуации // Слово. Сознание. Культура. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 291–297.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

Zimmerman D.H., Boden D. Structure-in-action // Talk and Social Structure: Studies In Ethnomethodology and Conversational Analysis. Berkeley, 1991. P. 3–21.

T.N. Skokova (Belgorod, Russia)

DISCURSIVE RELATIVITY

The article dwells upon discursive relativity as a mechanism of sense objectification, the creation basis of which is the relationship between cognitive structures.

Key words: discourse, text-discourse, discursive relativity, the scope of the code value.